

ИСТОРИЯ НЕПОСТАВЛЕННОГО СПЕКТАКЛЯ

Сорок лет назад в Ленинграде произошло театральное событие, не вошедшее в официальную историю театра. Тем не менее оно осталось памятной главой в биографии предвоенной ленинградской сцены.

Об этом событии рассказывается в новой книге писателя Юрия Алянского «Сурен Кочарян», посвященной жизни и творчеству выдающегося советского артиста-чтеца. Предлагаем читателям отрывок из этой книги.

РАНЕЕ весной 1941 года Кочаряна снова позвал театр. Сделал это дон Родриго, испанец, молодой герой, которому той весной исполнилось как раз триста лет и три года. И все это долгое время он был знаменит не столько под собственным именем, сколько по данному ему прозвищу — Сид.

Случилось так, что дон Родриго впал в трагический конфликт между чувством и долгом. Отец его — возлюбленной, Химены, нанес смертельное оскорбление его собственному отцу, дону Дьего. Предстояло защитить семейную честь, но тогда потерять любимую... Впрочем, его настоящим отцом был не столько дон Дьего, сколько великий французский драматург Пьер Корнель, живший в семнадцатом веке. А Севилья, где разворачивается действие трагедии «Сид», чудесным образом обособилась на Невском проспекте, в Театре комедии, где решили поставить знаменитую французскую пьесу.

Сурен Кочарян ехал в Ленинград по просьбе Николая Павловича Акимов, руководителя Театра комедии, замечательного режиссера и художника. Задумав поставить Корнеля, Акимов пригласил московского чтеца Кочаряна сыграть центральную роль и, кроме того, поработать в качестве со-режиссера с исполнителями других ролей над словом.

Сурен Акимович ждал встречи с радостью. Лыстрило, конечно, — чего уж тут скрывать! — что Акимов пригласил именно его ставить французскую трагедию, никогда не шедшую на советской сцене, да и вообще в двадцатом столетии; затерялся интересный сценический эксперимент, и принять в нем участие в качестве высшего авторитета в области звучащего слова — что могло быть заманчивее?

Радовало и то, что предоставлялась возможность обстоятельно побывать на всех спектаклях Театра комедии, пожалуй, лучшего в предвоенные годы театра Ленинграда. Здесь блистала тогда плеяда прекрасных собраний Акимовым актеров: Ирина Гошева, Елена Юнгер, Ирина Зарубина, Лидия Сухаревская, Борис Тенин, Эраст Гарин, Иосиф Ханзель, Жозеф Ленский... Здесь гремела на всю страну слава знаменитых тогда спектаклей театра — «Опасный поворот» Пристли и «Тень» по пьесе-сказке Евгения Шварца. На сцене этого театра получили всесоюзное гражданство сделанные специально для Комедии блестящие переводы Михаила Лозинского лучших комедий Лопе де Вега. С такой труппой работать было почетно.

Предвкушал Кочарян и другую сторону знакомства с труппой: понимал, что его попросят почитать актерам его лучшие программы — и же-

лал этого. Так оно и случилось. Когда в театре выдавались свободные вечера, Кочарян читал в большом фойе «Давида Сасунского» и «Шах-разаду». Он наслаждался в минуты этих концертов. Перед ним сидели его товарищи по профессии, мастера, тонко понимавшие не только каждое слово, но и любой подтекст, любое движение, вздох, паузу. Перед ним сидели заинтересованные слушатели — с блестящими глазами, с преображенными радостным изумлением лицами. Сидели мужчины, чьи имена были широко известны; хорошенькие женщины — их восторг особенно вдохновлял. И Кочарян читал, наверное, как никогда, — наслаждался своим искусством, каждой деталью, любым нюансом.

В театральном фойе находились, конечно, не только актеры Театра комедии, но и друзья актеров и друзей друзей актеров. Аудитория получилась внушительная. Тем лучше! Настоящего художника полный зал способен только подогреть. А после концерта начинались традиционные в театре чаепития с супчиками и разговоры — без конца.

Из письма Н. П. Акимов — С. А. Кочаряну:

«Дорогой Сурен Акимович!

Должен вам сообщить, что выступление Ваше в нашем театре настолько возмужало умы, что до сих пор кипят восторженные обсуждения. Поэтому примите еще раз нашу общую благодарность.

После нашего разговора я снова перечел «Сиду», с такими выводами:

1. Это потрясающее произведение необычайно сильно прозвучало бы сейчас. Со всех точек зрения.

2. Страшно досадно откладывать такую работу на неопределенное время.

3. Ваше участие, не только актерское, кажется мне необходимым условием работы.

4. Я уверен в том, что можно было бы создать такие условия, при которых Ваша основная (на сегодня) деятельность протекала бы параллельно с работой над «Сидом» в театре. Результатом кажется настолько заманчивым, что театр мог бы предложить совершенно особенные формы взаимоотношений, наиболее удобные для Вас...

Желаю Вам всего хорошего, шлем Вам привет от всех Ваших зрителей

Ваш Н. АКИМОВ».

(Письмо публикуется впервые).

Снова и снова приезжая в Ленинград, Кочарян рассказывал своим коллегам и друзьям о Корнеле, о французской классической трагедии, о произнесении корнелевского стиха, прекрасно переведенного Михаилом Лозинским. На одной из застольных репетиций Кочарян прочел знаменитые станы дон Родриго — Сиды, его монолог, в котором и разрывается душа героя между чувством и долгом:

До глубины сердца поражен
Смертельною стрелой,
нежданной и лунавой,
На горестную муть
поставлен в битве правдой,
Неправдой участью тесним
со всех сторон.
Я моллю, недвижим,
и смутен дух, невластный

Снести удар ужасный.
Я к счастью был так близок
наконец, —
О, злых судеб измены! —
И в этот миг мой
оскорблен отец,
И оскорбившим был
отец Химены.
Я предан внутренней войне;
Любовь моя и честь
в борьбе непримиримой:
Вступить за отца,
отречься от любимой!
Тот к мучеству зовет,
та держит руну мне...

Таково лишь начало этого большого монолога.

Актеры восхищались звучанием стихов, новыми для них законами подачи текста, нежеле, как, какие властвуют в драматическом театре. Кочарян разрушал привычную «четвертую стену» театра и звал к общению со зрителями, такому непривычному для драматических актеров.

24 марта 1941 года Акимов выступил с экспозиционным докладом о постановке «Сиды» перед труппой театра. Он говорил тогда:

— ...В «Сиде» имеются построенные особо поэтические монологи — у того же Родриго — Сиды. В них сознательно нарушается ритм и стихотворный размер, в котором написана вся пьеса в целом... Отступления эти требуют своего точного решения.

Хотелось бы еще сказать о той роли, — продолжал Акимов, — которая выпадает в этой работе на долю Сурена Кочаряна. Мы должны взять от него очень многое для овладения искусством слова; меня радует при этом, что данная работа будет и для самого Сурена Акимовича чем-то абсолютно новым и непривычным, потому что по мастерству слова он превосходит нас в десятки и сотни раз, но Корнеля он никогда не играл, в подобных спектаклях никогда не участвовал, и в этом смысле мы будем пахотиться в равном с ним положении...

Потом началось обсуждение доклада, и почти каждый выступавший выражал надежду, что участие Кочаряна будет для спектакля весьма значительно. Говорили, что участие Кочаряна в постановке увеличивает ее принципиальное значение, потому что на высшем уровне будет решена проблема культуры слова.

Выступил на собрании труппы и Кочарян. Он сказал:

— Если нам удастся дать настоящий театр, настоящую театральность... — тут будет безусловная победа. Я верю в «Сиду»... Придется поработать над тем, чтобы привести к одному знаменателю высокое качество чтения и высокое качество игры... Как сделать, чтобы все то, что есть положительного у художественного чтения, придать актерскому мастерству, с тем чтобы образы стали еще богаче, еще острее, вскрыть слово до самого конца?

Кочарян говорил о своей любви к Театру комедии, о вере в него, Кочаряна, которая трогает его, о высокой творческой атмосфере в коллективе, о своих надеждах.

Работа началась. Репетиции шли напряженно. Акимов, обладавший ко всем своим достоинствам еще и большим режиссерским демократизмом, приглашал на репетиции публику. Многие ленинградцы побывали тогда, в дневные часы, на репетициях «Сиды» и сегодня с благодарностью судьбе вспоминают об этом.

Но спектаклю не суждено было увидеть свет рампы. Начавшаяся война изменила не только репертуарные планы Театра комедии, но все планы нашего народа...

ЮРИЙ АЛАНСКИЙ